

Виталий ВАВИКИН
Старый новый мир

@ЭЛИТА

16+

Виталий Вавикин

Старый новый мир (сборник)

*Текст предоставлен издательством
Старый новый мир: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013*

Аннотация

В сборник вошли повести:

«Головокружение»

Пляски. Стук каблуков на помосте. Танцовщица! Беги из дома, из этой тьмы в светлый мир. Беги и не возвращайся. Даже не оглядывайся. Потому что тьма не забыла. Она ждёт тебя, твоего возвращения. Ждёт, чтобы проглотить. И прошлое смеётся, грохочет костями мертвецов. И нет родных, которые спасут. Мир детства утонул, танцовщица! Ты изменилась. Мир изменился. Остались только тени, да завыванья ветра, рыщущего по пустынным улицам...

«И нет ничего нового под солнцем»

Они горят. Горят, словно свечи на этой планете – старатели, которые добывают самое совершенное топливо во всей галактике. И ты один из них. Ты падаешь в пропасть, на дно бесконечности. Но бездна рождает новый мир. Мир чистой энергии. Мир, где известные тебе законы теряют свое значение. И в этом мире есть жизнь.

«Старый новый мир»

Новый Мир. Никто не шьёт больше одежду, никто не разводит животных, никто не производит сложных машин. За все отвечают репликаторы. Их база данных насчитывает миллионы необходимых для жизни вещей. Но репликатор не способен творить, изобретать. В мире, где материальность утратила свою ценность, лишь духовность, лишь мир искусства остался важным. Немного эксцентричный. Немного взбалмошный. Но именно это и нужно застывшему в растерянности, лишённому вдруг амбиций обществу.

Содержание

Головокружение	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвёртая	31
Глава пятая	48
Глава шестая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Виталий Вавикин

Старый новый мир

© ЭИ «@элита» 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Головокружение

Глава первая

Представь себе девушку, танцовщицу. Стройное крепкое тело, широкие бёдра. У неё прямой римский нос и неестественно синие глаза. Говорят, такие же глаза были у её отца, но она не знает – он сбежал с планеты Хинар раньше, чем мать Роланы узнала о том, что ждёт ребёнка. Очередной турист. В память о нём не осталось даже имени. Только синие глаза. Глаза, которые не красили Ролану, а скорее уродовали, делая непохожей на сородичей. Возможно, именно поэтому она и покинула резервацию – место, куда были переселены местные жители планеты Хинар. Планеты, которую чужестранцы превратили в один большой курорт и центр развлечений. Иногда звуки праздника можно слышать из резерваций. Тогда местные жители ноаквэ уходят дальше в леса. Но города-курорты расползаются, подбираются всё ближе и ближе. Несколько раз ноаквэ пытались возражать, но их протест остался незамеченным. Их даже не услышали. Чужаки просто пришли и сказали, что они теперь новые хозяева этой земли. И с этим пришлось смириться. Как пришлось смириться с кометой, упавшей где-то в центре резерваций. Чужаки могли её остановить, но предпочли притвориться, что

ничего не заметили. В тот год Ролане было двенадцать лет. Девочка, которую родственники всегда упрекали в проступке её матери, выбралась за границы резервации, и, прячась в тени редких деревьев, наблюдала за чужаками. Они были совсем другими, нежели про них рассказывали родственники. Никакой злобы, никакой ненависти к ноаквэ. Незнакомая женщина увидела невысокую девочку с кожей цвета свежего мёда и позвала её на незнакомом языке. Ролана не двинулась с места. Женщина достала конфету. Детское сердце дрогнуло. Страх отступил. Ролана взяла конфету и побежала назад под деревья. В этот самый момент небо прорезала горящая в атмосфере комета. Затем раздался удар. Земля под ногами содрогнулась. Высоко в горах снежные вершины сдвинулись, покатались вниз по вековым склонам. Люди закричали, засуетились. Лавина приближалась к лагерю. Ролана смотрела на эту грохочущую силу и не могла пошевелиться. Кто-то подхватил её на руки и отнёс в убежище. Ролана думала, что сами боги спустились с гор, и нет смысла от них скрываться. Они заберут всех неверных – так учили её ноаквэ. Но боги лишь разрушили лагерь и не смогли добраться до людей. Погибло лишь несколько собак да пара домашних питомцев, которых хозяева оставили в номерах. Лавина завалила убежище, и Ролана провела с чужаками несколько дней. Когда она вернулась в деревню, то родственники уже похоронили её. Ритуал был завершён, и, увидев Ролану, они так и не решились, как обратиться погребальные заклинания. Теперь к

неуместным синим глазам добавился шуточный статус вернувшегося мертвеца. Что касается самой кометы, то от её падения остался лишь огромный кратер. Соседние племена ходили смотреть на место падения. Ролана слышала странные истории вернувшихся из похода людей, и не знала: правда это или очередная сказка для детей. Рассказы о комете продолжались больше года, затем стихли. Стихли до тех пор, пока в лесу не стали появляться странные животные. Сначала на них никто не обращал внимания, затем кто-то начал говорить, что комета и эти животные как-то связаны, появились новые истории, новые страхи. Ролана видела, как поймали волка, который изменился так сильно, что от волка у него осталась лишь старая шерсть да хвост. Его глаза были белыми, высохшими, словно оставленное на солнце яблоко. Он ничего не видел, ориентируясь по звуку и запаху. Мать Роланы и ещё несколько женщин из совета деревни велели мужчинам построить для зверя клетку и отнесли его к чужакам. Ролана уговорила мать взять её с собой. В тот момент она не думала, что эта просьба изменит всю её жизнь – лишь надеялась достать немного сладостей. Но случилось так, как случилось. В лагере чужаков Ролана заболела, и её пришлось оставить в больнице. Чужаки сделали это силой, чтобы спасти девочке жизнь, и Ролана слышала, как мать посылает на них проклятия. Ей было страшно. Она чувствовала себя одинокой и совершенно не хотела бороться с болезнью, как учили лекари деревни. Но чужаки делали ей уколы,

и болезнь отступала. Чужаки, которые убеждали, что они не враги ей. Чужаки, которые вылечили и сказали, что она свободна, что может идти в деревню. Ролана вышла из больницы. Город-курорт был большим, и она не знала, как выйти из него. Не знала она и дорогу к деревне. Она просто стояла и нервно кусала до крови губы. Карманы у неё были набиты конфетами, а в глазах стояли слёзы – недопустимая слабость для женщин ноаквэ. Для женщин, которые привыкли править в своих деревнях. Но здесь, в городе чужаков, всё иначе. Здесь мужчины и женщины были равны. Долгое время после того, как один из врачей разрешил ей остаться в больнице, пока за ней не вернётся мать, Ролана не могла привыкнуть к этому равенству. Особенно когда её пытались познакомить с другими детьми. Мальчики заигрывали с ней, и Ролана вначале принимала это за неуважение. Чуть позже, когда её взяла к себе пожилая женщина из больницы, и Ролана чуть лучше изучила язык чужаков и их традиции, она научила себя принимать их такими, какие они есть. Но суть, которая была заложена с рождения, осталась. Суть ноаквэ. Больше года Ролана и женщина, которая взяла её под свою опеку, ждали, что мать вернётся за ней, затем смирились и начали строить новую жизнь. Ролана пошла в школу для детей работавших на планете людей. Чужой мир становился проще, понятнее. У неё появились свои друзья и свои враги. Свои маленькие истории и свои увлечения. Увлечения, которые почерпнула она из нового мира. Маленький мертвец с синими глазами

ожил, снова научился смеяться. Тогда-то и появилась мать. Она вернулась не за дочерью. Нет. Для дочери были давно спеты похоронные ритуалы. Она пришла с женщинами деревни, чтобы рассказать страшные истории о животных с белыми высохшими глазами, чтобы рассказать сказки о комете, из-за которой всё это происходит. Она кричала и требовала, чтобы чужаки избавили их от напасти. Кричала, что животные нападают на ноаквэ. Кричала, что по деревням ходят слухи о том, что где-то видели людей, превратившихся в слепых мертвецов, которые передвигаются по запаху и слуху, ища себе пищу. Этих людей называли – нагвали. Духи, которые бродят по лесам на грани жизни и смерти. Ролана слушала эти истории и не верила, что мать не узнаёт её. Она подошла к ней и взяла за руку. Мать долго хмурилась, затем смачно выругалась на местном наречии и ударила её по лицу. Ролана испугалась и отскочила назад. Мать схватила её за руку и не отпускала до тех пор, пока они не покинули город и не вернулись в деревню. Ролана не сопротивлялась, не оглядывалась. Она боялась и была счастлива. Но счастье длилось недолго. Мир, к которому она привыкла, изменился, стал другим. Несколько долгих дней Ролана пыталась найти отличия, затем призналась младшему брату по имени Анаквэд, что изменилась, наверное, она сама. Он долго смеялся над её шуткой, затем, когда понял, что Ролана говорит серьёзно, рассказал обо всём матери. Мать выпорола дочь и отправила работать на рубку леса, прислуживать мужчи-

нам. Мужчины перешёптывались и бросали косые взгляды на дочь члена совета. Ролане было почти шестнадцать, и она жалела, что покинула город, как когда-то давно жалела, что покинула деревню. Если бы она была чуть моложе, то, возможно, ей захотелось сбежать, но нужно было лишь немного подождать. Она знала, что многие мужчины уходят из деревни, чтобы работать в городе. Никто не держит их. Никто не стал держать и её. Она вернулась в родной город, но женщина, которая опекала её прежде, покинула Хинар и вернулась на свою планету. Изменилось почти всё, снова стало чужим. Ролана нашла лишь одного старого друга, с которым вместе училась в школе. Его звали Мижан, и он помог Ролане устроиться в один из баров танцовщицей. Это была его месть, за её пренебрежение. Ролана знала об этом. Она всегда унижала его, потому что он был мужчиной, унижала так, как женщины её племени унижали своих мужчин. Теперь он отыгрался. Теперь он заставил её стать той, кто танцует в угоду мужчин. Но это было лучше, чем возвращаться назад. Так решила Ролана. И жизнь снова ожила, снова начала вращаться. Танцы приносили неплохие деньги. Деньги, которые помогали Ролане чувствовать себя независимой. Несколько раз она меняла место работы, но делала это лишь потому, что популярность её шла в гору. Местная дикарка из резервации с синими глазами всегда вызывала интерес приезжих. Ролана чувствовала, как их взгляды и убеждения всё глубже и глубже проникают в сознание, меняют её. Иногда ей начи-

нало казаться, что она – одна из них. Почти одна из них. Не клеилась лишь личная жизнь. Мужчины хотели власти, хотели смирения, хотели того, что не могла дать им Ролана. Ей удавалось лишь притвориться. Ненадолго. Потом всё снова становилось плохо. Несколько раз она встречалась с младшим братом Анквадом. Он торговал с туристами и говорил сестре, что это хороший заработок. Ролана сказала ему, что рано или поздно культуры смешаются, какими бы разными ни были, и они поругались. От прежнего уважения, которое мужчины её племени проявляли к женщинам, не осталось и следа.

– Ты всего лишь маленький мертвец! – рассмеялся ей в лицо брат. – Ты танцуешь для чужаков, спишь с чужаками, подчиняешься чужакам! Ты... – он замолчал, потому что Ролана ударила его по лицу. В глазах заблестели слёзы.

– И только попробуй мне ответить! – прошипела на него Ролана. Анаквад заплакал. Заплакал от беспомощности. Ролана выждала пару минут, затем обняла его, попыталась успокоить. Он оттолкнул её. Она упала, содрала на ладонях кожу. Анаквад побледнел, увидев кровь. Бросив торговлю, его друзья окружили Ролану. Она поднялась на ноги, жала ладони. Кровь капала ей под ноги. Никто ничего не говорил, но Ролана испугалась. Испугалась молчания и стеклянных глаз тех, которые когда-то считались друзьями. Она протиснулась сквозь плотный круг и пошла прочь. Не оглядываясь, заставляя себя не бежать. Дома она зашла к соседу

и попросила перевязать ей руки. Кровь всё ещё текла, и Мижан долго убеждал её, что нужно пойти в больницу. Он тоже когда-то был ноаквэ, тоже когда-то жил в деревне и подчинялся совету женщин, но был совсем не похож на её брата. Он не пугал её, не унижал, и она знала, что не сможет унижить его. Не захочет унижить. Несколько раз Мижан приглашал её на свидание, но она отказывала. Отказывала, потому что не могла его представить даже другом, не то что своим мужчиной. Конечно, стоит ей щёлкнуть пальцами, и он будет принадлежать ей, а она не хочет, чтобы он принадлежал ей, не хочет быть такой же, как женщины её деревни, но становиться такой, как женщины этого города, ей тоже не хотелось. Поэтому и появилась Жизель. Высокая и стройная. Она пришла в мужской бар, где танцевала Ролана и долго наблюдала за выступлением девушек. Ролана видела, как в её глазах горит страсть. Дикая, животная. Но страсть, которая не будет уничтожать всё на своём пути. Страсть, в которой есть что-то другое, что-то естественное, что-то, что ничуть не напоминает страсть мужчин. И Ролане стало интересно. Особенно когда Жизель встретила её после выступления и предложила выпить.

– Только не в этом баре, – сказала ей Ролана. Жизель согласилась. Они провели вместе вечер и ночь. Утром Ролана собрала свои вещи и ушла раньше, чем проснулась Жизель. Она не знала, хочет новой встречи или нет, но когда Жизель снова пришла посмотреть на её танцы, поймала себя на мыс-

ли, что думает только об этой девушке. Она была такой же молодой и свежей. Она была такой желанной. Ролана с трудом дождалась, когда закончилось выступление, увидела, что Жизель ждёт её и долго не выходила из гримёрки, надеясь и боясь, что Жизель уйдёт или заговорит с другой девушкой. Но Жизель ждала её. Они снова провели вместе ночь. На этот раз долгую и томную. Ночь, по окончании которой Ролана не ушла. Ночь, за которой последовал ещё десяток ночей. И вечеров. И внезапных рассветов. Жизель провела на Хинаре больше месяца, а затем честно призналась, что не хочет улетать одна. Ролана вспомнила, как ребёнком оказалась в чужом городе, который позже оказался для неё родным, и сказала да. Они улетели с планеты-курорта вместе. Ролана была счастлива. Счастлива до тех пор, пока не поняла, что прежняя жизнь остаётся далеко в прошлом. Всё изменится. Она испугалась. Новая планета носила название Аламедо, и была совершенно не похожей на Хинар. Здесь жизнь пронизывала всё свободное пространство. Бурлящая, шумная жизнь. Все люди здесь куда-то бежали, все были чем-то заняты. Улицы здесь были большими, но все заполнены машинами. Шум, смог, суета... Жизель отвезла Ролану в свою квартиру и сказала, что хочет познакомить её с родителями. Ролана вспомнила свою мать, попыталась представить мать Жизель, и испугалась ещё сильнее. Она даже расплакалась, заставив Жизель испугаться вместе с собой. Затем были месяцы адаптации. Знакомство с родителями Жизель было от-

ложено на полгода, затем на год. Ролана пыталась устроиться снова на работу, но Жизель убедила её отказаться от работы танцовщицы, а ничего другого Ролана больше не умела. Оставалось лишь помогать Жизель, родители которой узнали о Ролане от посторонних и долго потом обижались на дочь за этот секрет. Ролана боялась обвинений и оскорблений за однополую связь, но обиды родителей Жизель были только из-за того, что дочь скрыла от них новую подругу.

– Думаю, на этот раз у меня всё серьёзно, – сказала им Жизель. Её отец на это лишь сдержано улыбнулся, но когда Ролана и Жизель прожили вместе почти три года, признался, что, возможно, это действительно серьёзная связь. Мать Жизель тоже не возражала. Почти не возражала. Не возражала, пока не узнала, что Ролана была танцовщицей. После этого ей начало казаться, что Ролана использует её дочь, обманывает её, находится рядом с ней только из-за богатства.

– Быть танцовщицей не значит быть шлюхой, – сказала ей Ролана, но мать, да и отец Жизель к тому времени, уже не хотели ничего слушать.

– Мы полетим на Хинар и всё узнаем, – решили они. – Полетим все вместе. – Они наградили Ролану таким взглядом, что она поняла: если отказаться, они сразу поставят на ней крест и убедят в этом Жизель.

Глава вторая

Вечер. Вечер на планете Хинар. Алые всполохи заката прорезают небо. Высокое бледно-фиолетовое небо. Стая белых птиц летит высоко-высоко. Гид на туристическом корабле первого класса без умолку перечисляет достопримечательности планеты, но Ролана чувствует, что что-то не так. Сразу, как только выходит из корабля, замечает перемены. Жизель спрашивает о впечатлениях перелёта на новой сверхскорости, но голос её звучит где-то далеко. Ролана оглядывается, пытается понять, что здесь изменилось.

– Что-то не так? – спрашивает её отец Жизель.

– Люди, – говорит ему Ролана. – Здесь раньше было очень много людей, а сейчас... – Она снова оглядывается. Родители Жизель говорят, что нет ничего вечного в этом мире. Ролана не слушает их. Они покидают здание космопорта. Ролана собирается отправиться на вокзал, откуда они смогут добраться до отеля «Алмаз», но Жизель настаивает на том, чтобы взять такси. Аэрокэб парит над землёй. Жизель и её родители сидят на заднем сиденье. Ролана рядом с водителем. Она спрашивает его о том, что здесь случилось. Он молчит, говорит, что раньше истории приносили прибыль, а сейчас от них только убыток.

– Люди боятся. Люди предпочитают другие планеты-курорты.

– Что за истории? – спрашивает его Ролана. Таксист хмурится. – Я доплачу, – предлагает Ролана, чувствует, как Жизель толкает её в плечо, оборачивается.

– Хочешь начать знакомство моих родителей с этой планетой с глупых сказок? – спрашивает она. Ролана смолкает на пару минут, затем спрашивает о резервации.

– Скоро вся планета станет одной большой резервацией, – говорит таксист. Они проносятся по лесистой дороге. Таксист нервничает. Его состояние передаётся Ролане. Она оглядывается по сторонам, пытается отыскать причины страха таксиста. Деревья по бокам мелькают так быстро, что начинают рябить в глазах. Но лес расступается. Далеко впереди виднеется отель «Алмаз». Закат преображает его, скрашивает громоздкость.

– Хоть что-то достойное внимания, – говорит мать Жизель, но как только они подъезжают ближе презрительно фыркает. Улицы почти пусты. Компания пьяных туристов торгуется с грязными торговцами за какие-то безделушки. Ветер швыряет пустые пакеты и столбы пыли. Кажется, что здесь никогда не убираются. Но ведь это не так. Было не так. Ролана жила здесь. Она знает. Но глаза не врут.

– Здесь не всегда было так, – растерянно говорит она родителям Жизель. Они скептически поджимают губы. Таксист останавливается у главного входа, относит чемоданы в фойе гостиницы. Отец Жизель расплачивается с ним, спрашивает визитку, чтобы можно было вызвать его в ближай-

шее время и обратиться отсюда.

– Корабли не летают сюда, – говорит ему таксист. Отец Жизель смотрит на Ролану.

– Так было не всегда! – отчаянно заверяет его она, требует таксиста подтвердить её слова. Он кивает.

– Но всё меняется, – добавляет таксист. Ролана смотрит, как он уезжает, идёт в фойе, пытается отыскать знакомые лица служащих, но за последние годы, кажется, изменилось абсолютно всё.

– Не возражаешь, если я возьму тебе и Ролане разные номера? – спрашивает отец Жизель свою дочь. Она мнётся, смотрит на Ролану, как бы извиняясь. – Вот и хорошо, – говорит отец, так и не дождавшись ответа. Ролана молчит. Поздний вечер клонится к ночи.

– Встретимся утром, – говорят ей родители Жизель.

– Встретимся утром, – говорит ей Жизель. Ролана кивает. Лифт поднимает их на третий этаж. Отель выглядит пустым, брошенным. Длинный коридор хорошо освещён, но на этаже, кажется, никого, кроме них, нет. Под ногами пыльный ковёр. Несколько дверей в пустые номера открыты и можно увидеть перевёрнутые кровати и разбросанное постельное бельё.

– Надеюсь, мы ничем здесь не заразимся? – брезгливо кривится мать Жизель. Они расходятся по номерам. Ролана закрывает дверь. В голове сумбур. Она не включает свет, просто ложится на кровать и пытается понять, что происхо-

дит. Усталость перелёта отступает. Ролана смотрит на часы – семьдесят пять минут до полуночи. На Аламедо они с Жизель уже спали в это время. Здесь же на сон нет даже намёка, словно старое место жительства вернуло старые привычки. И ещё эти перемены! Ролана поднимается на ноги, выходит в коридор. Хочет зайти к Жизель, но убеждает себя, что Жизель уже спит.

– Не думаю, что стоит выходить на улицу ночью, – предупреждает её дежурный в фойе. Ролана пытается получить у него ответ о том, что здесь происходит, но он молчит так же, как и таксист.

– Тогда я рискну и выйду на улицу, – теряет терпение Ролана, но двери закрыты.

– Извините, но такие правила, – примирительно разводит руки в стороны дежурный.

– Когда я работала здесь, двери всегда были открыты.

– Тогда вы, наверно, работали здесь очень давно. – Дежурный улыбается, и говорит, что самым лучшим сейчас будет отправиться спать. Ролана злится, но выхода нет. Вернуться в номер, принять душ, дожждаться утра. Сон длится всего лишь мгновение. Так, по крайней мере, кажется Ролане, но когда она открывает глаза, за окнами уже полдень. Солнце играет лучами, касаясь лица, слепя глаза. Ролана щурится, видит на пороге Жизель.

– Что-то случилось? – тревожно спрашивает она.

– Просто пришла сказать доброе утро, – улыбается Жи-

зель. Она подходит к кровати, садится рядом с Роланой, прикасается рукой к её лицу. Ролана заставляет себя улыбнуться.

– Где твои родители?

– Уже позавтракали и собираются отправиться в горы. Местный гид соблазнил их горячими источниками, так что...

– Ничего если я не пойду с вами?

– А что мне сказать родителям?

– Придумай что-нибудь, – Ролана поднимается с кровати. Жизель пытается поцеловать её. – Не сейчас, – останавливает её Ролана и идёт умываться. Жизель выговаривает ей свои обиды. Ролана не слушает, ждёт, когда она уйдёт, и только потом выходит из ванной. Из коридора доносятся голоса родителей Жизель. Её отец говорит, что вечером собирается сходить в бар и посмотреть на шоу, в котором раньше принимала участие Ролана. Затем их голоса стихают. Ролана ждёт пару минут и выходит из номера. Запасной выход ведёт на дворы отеля. До бара «Ночь ритуалов» четверть часа пути. Четверть часа до сцены, где каждую ночь слагается новый танец. Слагался танец. Но что-то изменилось и здесь. Ролана видит запylённую сцену. За спиной остались узкие улочки, заваленные мусором, закрытые двери, чёрные глазницы окон. Впереди пустая сцена. Зброшенная сцена. Лишь уходящий к потолку шест блестит в лучах яркого солнца. И ни одного знакомого лица. Хочется развернуться и убежать. Из

бара, из отеля, с планеты. Ролана заставляет себя подойти к стойке бара. Незнакомая смуглолицая женщина с закатанными рукавами и чёрными глазами ноаквэ, спрашивает Ролану, что ей налить выпить. Женщину зовут Вандида и на вид ей около тридцати.

– Что здесь случилось, чёрт возьми? – спрашивает её Ролана, показывая на сцену. – Где все танцовщицы?

– Вы хотите посмотреть шоу?

– Я хочу найти хоть кого-то из старых знакомых.

– Так вы не впервые здесь?

– Я когда-то здесь жила.

– Вот как? – Вандида меряет её оценивающим взглядом.

Ролана рассказывает ей о своём прошлом.

– Ты ведь тоже из резервации? – спрашивает она женщину. Вандида кивает, хмурится, говорит, что тоже хочет найти достойного мужчину и убраться с этой планеты.

– Я нашла не мужчину, – говорит ей Ролана, рассказывает о Жизель. Вандида хмурится ещё сильнее, долго обдумывает услышанное, затем говорит, что согласилась бы улететь отсюда даже с женщиной. Ролана смотрит на неё и понимает, что эта женщина не нравится ей. Но никого другого рядом нет. – Так что не так со сценой? – спрашивает она, беря стакан с выпивкой. – Почему закрыли шоу?

– Его не закрывали. Просто танцевать больше некому. Все разбежались.

– Все? – Ролана недоверчиво называет имена, перечисляет

своих друзей. Некоторых Вандида не знает, некоторые по её словам улетели совсем недавно.

– Остались только мы, ноаквэ. – Женщина безрадостно улыбается, рассказывает об упавшей комете.

– Я помню комету, – говорит ей Ролана. Вспоминает своего соседа по имени Мижан.

– Если он ноаквэ, то, значит, остался где-то здесь. После падения кометы людям из резервации сложно найти судно, которое увезёт их отсюда. Все боятся нагвалей. Люди думают, что все, кто жил в резервации, заражены. – Она рассказывает о животных с белыми, высохшими глазами, затем о том, что эти перемены стали происходить и с людьми. – Говорят, они бродят по городу ночью и ищут для себя пищу.

– А как же резервации? – Впервые за последние годы Ролана чувствует тревогу за оставшихся родственников.

– Говорят, что резерваций больше нет. В лесах слишком опасно. Все, кто имел хоть немного ума, перебрались в города, остальные превратились в нагвалей. У тебя было много родственников в резервации?

– Достаточно.

– Тогда надейся, что они где-то здесь. Надейся, что они ещё те, кем были.

Глава третья

Горячие источники. Ролана находит Жизель и её родителей в соляной ванне. Вокруг снег, пар от бурлящих источников поднимается в небо. Ролана хочет рассказать о нагвалях и о комете, хочет сказать, что нужно убираться с этой планеты, но почему-то молчит. Мать Жизель смотрит на неё и предлагает присоединиться. Белый снег вокруг успокаивает. Ролана раздевается. Никто не смотрит на неё. Соляные ванны действительно успокаивают, но глаза закрывать страшно. В темноте за веками оживают страхи и тревоги. Вода бурлит, но сквозь этот звук кажется, что слышны шаги. Нагвали крадутся к источникам, крадутся к своим жертвам. Люди с белыми высохшими глазами. Ролана пытается представить друзей, превратившихся в подобных монстров. Невольно пытается. По телу пробегает дрожь.

– Если бы на этой планете было всё таким, как эти источники, – говорит отец Жизель.

– Когда-то так оно и было, – говорит ему Ролана.

– Сомневаюсь, что за пару лет могло измениться так много.

– Это всё из-за нагвалей. – Она хочет молчать, но не может. Родители слушают её рассказ и улыбаются. – Мне рассказала об этом девушка из бара, где я работала, – говорит, смущаясь, Ролана.

– Так ты уже навестила друзей? – подозрительно спрашивает мать Жизель.

– Я не нашла своих друзей.

– Может быть, поискать их вечером? – предлагает с какой-то издёвкой отец Жизель. Ролана пытается убедить его, что «Ночь ритуалов» совсем не то место, в котором она работала, но родители Жизель настаивают на визите в этот бар.

– Не ручаюсь, что это место не превратилось в то, которое они хотят увидеть, – шепчет Ролана Жизель.

– Ты слишком сильно переживаешь, – улыбается Жизель и пытается отыскать под водой её руку. Ролана злится. Отец Жизель просит рассказать о резервациях, слушает, затем подчёркивает, что быть танцовщицей в ночной клубе лучше, чем жизнь в одной из деревень ноаквэ.

– Не совсем и не всегда, – говорит ему Ролана, рассказывает о своём брате, рассказывает о Мижане, который жил с ней по соседству. – Кто-то может приспособиться к законам чужого мира, а кто-то нет.

– А как насчёт тебя? Ты считаешь, что тебе удалось приспособиться?

– Я не знаю. – Ролана выдерживает тяжёлый взгляд отца Жизель. Мать Жизель спрашивает её об интимных связях, в которые она вступала до встречи с её дочерью.

– Мама! – возмущается Жизель.

– Я просто хочу знать. Она ведь была танцовщицей...

– Но не шлюхой!

– Многие наши друзья считают, что это почти одно и то же.

– Вечером всё узнаем, – подаёт голос отец Жизель. Ролана закрывает глаза, думает, что лучше пусть оживают страхи и тревоги, чем выносить эти разговоры. И отказаться от похода в «Ночь ритуалов» уже не удастся. Чужой, заброшенный бар будет эталоном, по которому родители Жизель станут мерить её порядочность. Эталон, который был совершенно другим, когда она там работала. Но никому это не объяснить. Ролана выбирается на дощатый помост и начинает одеваться. Мать Жизель недовольно кашляет, неожиданно смущаясь её наготы. Ролана поворачивается к ним спиной. Ей плевать. Сейчас плевать. Они всё равно уже всё для себя решили. Понимание этого приносит покой и безразличие. Даже вечером, в баре «Ночь ритуалов», который больше напоминает дешёвую забегаловку на окраине города. Вандида узнает Ролану и махает ей рукой.

– Кажется, ты говорила, что здесь не осталось твоих знакомых? – спрашивает мать Жизель.

– Это девушка, с которой я познакомилась сегодня утром, – говорит Ролана. Родители Жизель кивают. Хитро улыбаются и кивают. Ролана убеждает себя, что ей плевать. Они садятся за свободный столик. Грязный столик. Ей всё ещё плевать. Бар заполняется отбросами города, которых прежде никогда не пускали сюда. Плевать. Полуобнажённые официантки-ноаквэ снуют между столами, почти в откры-

тую предлагая интимные услуги. Плевать. Родители Жизель улыбаются. Плевать! Сто раз плевать!

– Я думал, здесь исполняют танцы, – говорит отец Жизель, глядя на пыльную сцену. – Однажды, в молодости, я был в одном из таких баров...

– Этот бар был другим! – обрывает его Ролана.

– Но ты ведь танцевала у шеста?

– Да, но это был не тот танец, о котором вы думаете.

– Откуда ты знаешь, о чём я думаю?

– Хотите унижить меня, да?

– Просто хочу узнать тебя лучше. – Отец Жизель улыбается. – Твой танец. Расскажи, каким он был. Здесь, в этом месте.

– Рассказать? – Ролана оглядывается, понимая, что нет смысла в словах.

– Ты могла бы показать им, – говорит ей Жизель. Ролана хмурится, хочет послать всех к чёрту, но вместо этого идёт договориться с Вандидой о выступлении. Старуха но-аквэ спешно убирает пыльную сцену. Мать Жизель вяло пытается отговорить Ролану от этой затеи, но в её глазах уже горит огонь. Ролана видит его, как видит и в глазах Жизель, как видела в глазах большинства посетителей, когда она работала здесь. Не похоть, нет. Скорее интерес, интрига. Сейчас же здесь всё иначе. И танец превратится не в театральную постановку, а скорее в эротическое шоу, но Ролане уже плевать. Она берёт ключи и идёт в гримёрку. Лампочки почти не

горят и в темноте снова начинают оживать страхи и тревоги. Ролана не боится сцены, но нагвали пугают её. Особенно картина матери с белыми высохшими глазами, которая идёт к ней, двигаясь по запаху. Идёт, чтобы перегрызть ей горло и утолить голод. Свой животный голод. Ролана спешно выбирает наряд для танца. Ткань влажная и пахнет плесенью. Где-то далеко звучит музыка. Сцена ждёт. Но ждёт и тёмный коридор. Ждут страхи нагвалей и безразличие к родителям Жизель. Если они уже всё решили для себя, то в предстоящем шоу они увидят лишь порок и грязь. Плевать. Ролана выглядывает в коридор, бежит к сцене, ждёт вступительных аккордов. Обычно в эти моменты публика стихала, но сейчас они свистят и хотят зрелищ. Пьяные и возбуждённые. Ролана выходит на сцену. Сотни горящих похотью глаз впиваются в её тело. Она не стесняется. Танец помогает отвлечься. Он похож на взлёты и падения во сне. И Ролана уже никого не слышит, никого не видит. Её ведёт музыка. Её ведёт ветер сна. Ветер от взлётов и падений. И лишь где-то далеко слышится одобрителный свист. Одежда слетает с плеч. Ролана не знает, делает это специально или же всё по воле случая. Но свист становится громче. Толпа гудит. И Ролана чувствует, как со свистом уходят все страхи и тревоги. Свист продолжается, даже когда она покидает сцену. Тёмный коридор больше не пугает. Ролана проходит в гримёрку. Чёрная тень отделяется от стены.

– Мижан! – оживляется Ролана. Мужчина-ноаквэ смотрит

на неё чёрными глазами. Он изменился, прибавил в весе, лицо потное и опухшее.

– Говорят, ты меня искала? – спрашивает он Ролану. В голосе нет тепла. Лишь хрип алкоголика, да злость.

– Я искала всех, кого знала раньше.

– Всем повезло меньше, чем тебе. – Мижан смотрит на грудь Роланы, которую почти не скрывает прозрачная ткань наряда. – Эта планета умирает.

– Я знаю, – Ролана заходит за ширму, переодевается и рассказывает о Жизель, которая забрала её с этой планеты.

– Так ты поэтому отвергала меня? – спрашивает её Мижан. Он заходит за ширму и нагло разглядывает её обнажённое тело. – Никогда бы не подумал, что тебе нравятся девушки.

– Я тоже не думала... – Ролана просит его отвернуться. Мижан не двигается, рассказывает о нагвалях. – Так ты видел их на улицах города? – спрашивает его Ролана. Она стоит к нему спиной и одевается, старается не спешить, не суетиться.

– Я встретился с одним из них пару ночей назад. Шёл от женщины и увидел эту тварь... – Мижан бормочет проклятия, снова спрашивает о Жизель. Ролана игнорирует вопрос, спрашивает о резервациях, о родственниках.

– Твои родные перебрались в город, – говорит ей Мижан. – Как думаешь, как они отнесутся к тому, что ты живёшь с женщиной?

– Им не нужно об этом знать.

– И ты не собираешься познакомить их со своей... – он использует грубое ругательство. Ролана обижается, оборачивается, хочет ударить его по лицу, зная, что мужчины ноаквэ никогда не могут ответить, но Мижан ловит её руку. От него пахнет алкоголем. По лицу катятся крупные капли пота. – Ты уже не ноаквэ, – шипит он. – Как только легла в постель с женщиной, уже не ноаквэ. Так что не думай, что я боюсь тебя. Всё изменилось. Мы изменились.

– Отпусти меня! – Ролана освобождает руку, идёт к выходу. – Ты мне противен!

– Потому что я мужчина?

– Потому что ты был другим!

– Ты тоже была другой.

– Я не изменилась. – Ролана выходит в коридор. Мижан выходит следом за ней.

– Я видел твой танец, – кричит он ей вслед. – Ты завела всех мужиков в баре! И не говори, что не хотела этого! Не говори, что это не завело тебя!

– Пошёл к чёрту! – кричит ему Ролана. В баре её встречают новым свистом. Она не обращает внимания, идёт за свой столик и говорит Жизель и её родителям, что хочет уйти.

– Ещё бы не хотела! – кривится мать Жизель, говорит, что гид в отеле советовал ей ресторан «Звёздный путь». – Говорят, это по-настоящему приличное место. – Она награждает Ролану многозначительным взглядом. Ролана не реагирует.

Они выходят на улицу. Солнце садится, оживляет тени. Ролана рассказывает о нагвалях. Говорит, что из-за этого планета Хинар вымирает, становится заброшенной. Жизель не верит. Родители Жизель не верят. А если и верят, то ставят это очередным укором.

Глава четвёртая

«Звёздный путь». Жизель настаивает, чтобы родители заказали отдельный от них с Роланой столик. Она заказывает вино и ужин из кролика. Гладит под столом ногу Роланы и говорит, что совсем забыла, как сильно возбуждали её танцы Роланы.

– Твои родители считают меня шлюхой, – говорит ей Ролана. Жизель заверяет её в обратном. Отец зовёт её на пару слов. Она извиняется, оставляет Ролану одну. Оставляет в ресторане, который прежде не могла посетить ни одна танцовщица. Ролана вспоминает пару свиданий, которые ей назначали здесь. Назначали на одну ночь. Она помнит те дни, но они кажутся чужими, словно их прожил кто-то другой. Но это чувство не только в прошлом. Оно здесь, вокруг. Ролана чувствует себя белой вороной, на которую все смотрят. Здесь, в этом некогда дорогом ресторане. Люди указывают на неё пальцем и вспоминают её танцы. Танцы, за которые ей никогда не было стыдно, за исключением сегодняшнего дня. Но где-то в глубине, в груди, появляется безразличие. Чем посетители этого ресторана отличаются от посетителей бара, где сегодня она танцевала? Ролана оглядывается. Если забраться на стол и устроить ещё одно шоу, разве это не превратит людей в дикое стадо, разве это не разожжёт в них огонь? Верно. Люди везде одинаковы. Они лю-

бят, ненавидят, презирают, боятся, уважают... Все они просто ингредиенты одного большого пирога. Но вот представляют они себя по-своему. Все видят себя особенными. Более сексуальными, более правильными, более порочными, более богатыми, более злыми... Ролана вспоминает Мижана. Нового Мижана, который пришёл к ней сегодня в гримёрку, и сравнивает с тем Мижаном, которого знала прежде. Изменилось место, изменились люди. Человек поднимается выше или опускается ниже, и его уже не узнать. Взять хотя бы людей в этом ресторане. Большинство из них уравновешены, говорят неспешно, держат ровно спину, а их голова всегда чуть-чуть приподнята вверх, чтобы смотреть на собеседника как бы свысока. Они любят проводить вечера в тесной компании, беседовать с друзьями, но заберите у них билет на благополучные планеты, лишите всех капиталовложений и доходов, поселите в крохотную квартиру стандартного рабочего класса Хинара, где большую часть свободного пространства занимают кровати детей и их собственная, добавьте страх перед сказками о нагвалях, и вот тогда посмотрите, что с ними станет. Это будут те самые сгорбленные, увядшие и усталые ноаквэ, которых так сильно презирают туристы, считая отбросами общества. Конечно, эти отбросы живут без грандиозных идей и целей, ограничиваясь тем немногим, что у них есть, но вовсе не потому, что им не надо большего; просто они чётко понимают ту планку, которая повешена для каждого из них от рождения. И надеяться, что эта

планка когда-нибудь поднимется, зачастую так же бессмысленно, как и верить в то, что кислое пиво в кружке чудесным образом превратится в сладкое вино. Ролана смотрит на родителей Жизель. Нет. Все люди одинаковы, вот только признавать этого никто не хочет. Они рисуют себе образы добра и зла, навеянные тем бытием, которое у них есть, и не хотят видеть ничего другого. Не хотят понять никого другого. Ролана выпивает третий бокал вина. Алкоголь разжигает обиду, но кроме обиды есть и что-то ещё. Мижан. Воспоминание о нём обжигает грудь, спускается вниз, в живот. В ушах звенят его слова. Кажется, что можно ощутить его запах. Ролана оглядывается, невольно вспоминая оставшихся в прошлом мужчин. Нет. Сейчас у неё есть Жизель, и всё остальное станет лишь дешёвым разменом. Ненужным разменом. Ролана старается ни о чём не думать, ничего не вспоминать. От выпитого голова начинает идти кругом. Мир эмоций стирается. Она – машина. Она воспринимает мир таким, какой он есть. Ароматы женских духов, манящий запах пищи, негромкая музыка, голоса людей. Множество ярких неоновых лучей слепят глаза. Они отражаются от паркета, бокалов, столовых приборов, ювелирных украшений посетителей. Они приносят в мир множество бликов и живут коротким мгновением блика. Есть лишь настоящее. Жизнь кажется сочной, наполненной неповторимым многообразием событий и лиц, в круговороте которых Ролана чувствует себя крупницей, крохотным мгновением времени в бесконеч-

ном бытие вселенной. Но здесь, в этом мире, она равна каждому человеку вокруг и каждый равен ей. Все свободны и в тоже время все зависимы друг от друга. Здесь и сейчас. Ролана видит незнакомую светловолосую женщину. Женщина смотрит на неё, улыбается ей. Женщина у стойки бара с бокалом красного густого вина. «Я вас знаю?» – спрашивает её Ролана одними губами. Женщина снова улыбается, идёт к столику, за которым сидит Ролана. Её бедра плавно раскачиваются из стороны в сторону, словно в такт мелодии, которую слышит только она, ноги ровно ступают по выверенной сознанием прямой линии, взгляд направлен на Ролану.

– Я видела твой танец в баре «Ночь ритуалов», – говорит она, и, не дожидаясь приглашения, садится за столик. Её зовут Ваби, и она болтает без умолку последующие четверть часа, пытаясь уговорить Ролану дать ей пару уроков танцев. – Тебе нравятся мои ноги? Тебе нравится моя грудь? У меня очень пластичное тело. Может быть, закажем по бокалу вина? – Вопросы летят один за другим. – Я заплачу за пару уроков.

– Дело не в деньгах.

– Тогда в чём? В твоей женщине? – Ваби смотрит на Жизель. – Это ведь твоя женщина? Я правильно всё поняла?

– Отчасти.

– Боишься, что она будет ревновать?

– Нет.

– Значит, договорились?

– Тебе нужен урок танцев или свидание?

– Всего понемногу.

– Тогда я не согласна.

– Не согласна на уроки танцев или на свидание?

– Не знаю. – Ролана растерянно улыбается. Голова начинает кружиться ещё сильнее. – Кажется, я выпила сегодня слишком много. – Она поднимается на ноги, зовёт Жизель, но Жизель хочет остаться с родителями.

– Я провожу тебя до номера, – говорит Ваби. Они выходят из ресторана, но вместо того, чтобы идти к лифту, идут к выходу на улицу. Дежурный предупреждает их, что через полчаса двери будут закрыты.

– Хочу увидеть людей-нагвалей, – говорит Ролана своей новой знакомой. Ваби вздрагивает: сказки добрались и до неё. – Полночи на улицах, полночи вместе. Как тебе такое? – торгуется с ней Ролана. Ваби мнётся, тянет с ответом, но согласие уже блестит у неё в глазах предвкушением. Ролана видит это. Ролана обнимает её за шею и целует в губы. Дежурный притворяется, что ничего не видел, напоминает, чтобы они вернулись раньше, чем закроются двери. – Я знаю этот город, как родной, – успокаивает его Ролана. Свет и шум остаются за спиной. Они выходят на улицу. Ночь. Тишина. Сумрак окружает их, цепляется к ним. Ролана берёт Ваби за руку и тянет за собой, в темноту. Ваби спрашивает о второй половине ночи, спрашивает о том, куда они пойдут, если в отель их не пустят. Ролана говорит, что на ночь закрываются

только отели для туристов. – Я спрашивала сегодня, – врёт она. Домашние животные роются в мусорных баках. Улицу перебегают толстая крыса.

– Мне страшно, – говорит Ваби, оборачивается, чтобы видеть удаляющиеся огни отеля. Ролана молчит. Сердце в груди бьётся как-то неровно, словно не знает, чего ему ждать от этой ночи. Реальны ли истории о нагвалях или же это очередной трюк для туристов? В памяти всплывают животные с белыми высохшими глазами, которых Ролана видела в детстве. Воспоминания заставляют её поёжиться. Страх зарождается где-то в пятках, поднимается по ногам к животу, груди, сдавливает горло. – Ты точно знаешь, куда идти? – спрашивает Ваби, потому что отеля уже не видно. Он остался где-то далеко позади, скрывшись за чередой поворотов и грязных улиц. Ролана молчит. Город вдруг начинает ей казаться чужим и незнакомым.

– Здесь раньше всё было залито светом, – говорит она Ваби, словно извиняясь. Ещё одна жирная крыса пробегает у них под ногами. Ваби вскрикивает. Эхо подхватывает её голос, уносит вдаль узкой улицы. Снова наступает тишина. Тишина, в которой незамеченные днём звуки оживают, крепнут. Десяток жуков бежит по дороге. Слышен скрежет их крохотных лап о камни. Тени сгущаются у контейнеров. Собака лакает из ямы помой, которые кто-то вылил прямо из окна на улицу. Она видит чужаков, рычит, поворачивается к ним, показывая жёлтые клыки. Глаза у собаки белые,

высохшие. Ваби вздрагивает, прижимается к Ролане. – Это же просто собака, – говорит ей Ролана, хотя страх заставляет её голос дрожать. Белые глаза собаки не двигаются. Белые глаза собаки мертвы. Как мёртв мозг собаки. Животное изменилось. Ролана знает это, помнит об этом. Сказки детства пугают. Сказки детства становятся реальностью. Теперь опасной кажется каждая тень. Мозг начинает работать как-то иначе. Он больше не подчиняется логике. Его ведут инстинкты. Нервы натянуты до предела. Внешне ничего не изменилось, но достаточно неожиданного шороха, и ноги понесут тело прочь, побегут прочь. Ролана чувствует, как вздрагивает Ваби. Тень в перевернутом контейнере кажется похожей на человека, но это оказывается ещё одна большая крыса, запутавшаяся в пакетах. Человек стоит впереди. Незнакомец. Он неподвижен. Ролана не видит его лица, но может поклясться, что глаза у него белые, высохшие. Глаза нагваля.

– Это то, что я думаю? – плаксиво спрашивает её Ваби. Ролана хочет ответить, но не может – в горле комом стоит страх. Незнакомец прислушивается к ним, принимает. Воображение дорисовывает его мысли. Его голодные мысли, в которых он видит двух жертв. Двух аппетитных жертв.

– Бежим! – кричит Ролана Ваби и тянет в уходящий в сторону переулочек. За спиной раздаются шаги погони. Воображение рисует шаги погони. Но обернуться страшно. Что если чужак бежит быстрее их? Что если у чужака есть помощник? Ваби спотыкается. Ролана не обращает внимания, лишь

крепче сжимает её руку, чтобы не потерять в чередѣ изви- вающихся улиц и переулков. Она не знает, куда бежит. Про- сто бежит, чтобы убраться подальше от страхов. Ноги сами несут её вперѣд.

– Я больше не могу! – кричит Ваби. Несколько минут Ро- лана продолжает тянуть её за собой, затем останавливается, оглядывается. Страх отступает. Теперь на место ему прихо- дит смех. – Ты что, спятила? – спрашивает её Ваби, с трудом переводя дыхание.

– Думаешь, это был нагваль? – Ролана оглядывается по сторонам, всё ещё продолжая смеяться.

– А ты, чёрт возьми, думаешь, кто? – злится на неё Ваби.

– Думаю, просто человек. – Ролана становится серьёзной, оглядывается по сторонам. Кажется, что вокруг ничего не изменилось: всё те же улицы, что и прежде. Но они далеко от отеля. Ролана знает, что далеко.

– Мы заблудились, да? – спрашивает её Ваби. Ролана го- ворит, что нужно идти вперѣд. Ваби снова злится. Тишина сгущается. Эхо разносит звуки шагов.

– Где-то здесь должен быть бар, – говорит Ролана, начи- ная узнавать дома. Несколько минут они идут по пустынной улице, затем слышат далѣкий звук музыки. – Я же говори- ла! – улыбается Ролана. И снова оживают воспоминания. Но на этот раз они не несут страх. На этот раз воспоминания тёплые и светлые. В них есть горячая еда и холодное пиво. В них есть сладкий курительный табак, от которого ноаквэ так

часто видят духов. Тяжёлая дверь закрыта. Такая знакомая тяжёлая дверь. Ролана стучит, называет своё имя, называет имя своего друга, который владеет этим баром. И дверь открывается.

– Совсем не похоже на «Ночь ритуалов», – говорит Ваби, оглядываясь по сторонам. Охранник проводит их за свободный столик. Официант приносит два пива. Курительный кальян дымится в центре стола. Синий дым клубится под толчком. Посетителей немного, но никто не обращает внимания на чужаков. Ролана видит толстяка ноаквэ, идущего к ним и весело улыбается ему. Хозяин бара улыбается ей в ответ. Его зовут Гиливан. Ему почти сорок, и он всё ещё влюблён в Ролану. В эту странную, непостоянную ноаквэ.

– Я думал, что никогда уже не увижу тебя, – говорит он, целуя её в губы. Поцелуй должен быть дружеским, но Ролана знает, что это не так. Гиливан знает, что это не так.

– Я думала то же самое о тебе. – Ролана знакомит его с Ваби.

– Тебе стали нравиться женщины? – спрашивает Гиливан, сверкая чёрными глазами.

– Мне нравятся люди.

– Тогда не всё потеряно! – Гиливан насыпает в кальян новую порцию курительного табака. Ролана убеждает Ваби попробовать.

– Мой народ верит, что это помогает видеть духов, – говорит Ролана, но Ваби уже не слушает её. Дурман подкра-

дывается к сознанию, подчиняет его. Ваби откидывается на спинку стула и смотрит в потолок, где вместо дыма видит синее небо.

– Хорошо? – спрашивает её Гиливан, видит, как Ваби кивает и начинает смеяться, затем обнимает Ролану за плечи, говорит, что она повзрослела, но он всё ещё любит её.

– Я вообще-то с подругой, – говорит ему Ролана. Они смотрят на Ваби. Она чувствует на себе их взгляд и говорит, что чувствует себя одинокой молекулой кислорода, которая парит где-то за пределами воздушного шара под названием жизнь.

– Думаю, ей сейчас не до тебя, – улыбается Гиливан. Ролана кивает, спрашивает о нагвалях. Гиливан слушает рассказ, как они встретили незнакомца с белыми глазами. – Вы пришли сюда пешком? – На лице Гиливана появляется неподдельная тревога. Он цокает неодобрительно языком, трясёт головой. Ролана слушает новые истории, новые сказки.

– Я не верю, – честно говорит она. Гиливан долго смотрит ей в глаза, затем отводит в подвал. Ролана слышит гул голосов. Толпа возбуждена. Толпа ревет. Два десятка мужчин и женщин окружают клетку, в которой стравливают большого волка с волком-нагвалем. Их бой длится пару минут. Кровь заливает пол. Большой волк побеждает волка-нагваля. Толпа одобрительно ревет.

– Видишь? – говорит Ролане Гиливан. – Эти твари ничуть не сильнее, но... – Он смолкает, позволяя ей увидеть всё

самой. Волк-победитель затихает, дрожит. Вместе с ним затихает и толпа. Перемены длятся четверть часа, затем глаза волка-победителя становятся белыми и высохшими. – С людьми всё происходит не так быстро, но суть одна, – говорит Гиливан. Люди с электрическими хлыстами входят в клетку, уводят нового волка-нагваля, убирают разорванное тело поверженного волка. Толпа снова начинает реветь. Толпа чувствует новую кровь, делает ставки. В клетке появляется ещё один хищник, но теперь противником его становится человек. Человек-нагваль. Ролана смотрит ему в белые, высохшие глаза и невольно ищет руку Гиливана, чтобы не быть одной. Бой начинается. Кровавый безумный бой.

– Я не хочу на это смотреть, – говорит Ролана. Они уходят в кабинет Гиливана. Курительный табак успокаивает. Дурман рождает духов. Они кружат по кабинету, прячась в синем тумане.

– Как такое могло случиться? – спрашивает Ролана, всё ещё видя перед глазами лицо человека-нагваля. Гиливан монотонно рассказывает очередную сказку, которую она уже слышала. Сказку, которая ожила, обрела реальность. Гиливан снова заполняет кальян. Синего дыма становится больше. В бокалах густое красное вино. Гиливан молчит, смотрит на Ролану. Она чувствует на себе его взгляд, спрашивает, закончилась ли уже его сказка. Он кивает, спрашивает её, почему она улетела. Ролана молчит, курит глядя в потолок.

– Ты даже никого не предупредила, что улетаешь, – с оби-

дой говорит Гиливан. Ролана пожимает плечами. – Тем более с женщиной... – недовольно бормочет Гиливан.

– Она дала мне то, чего я не могла найти здесь, – монотонно говорит ему Ролана.

– Я мог дать тебе всё, что ты хотела.

– Ты ноаквэ.

– Так всё дело в этом?

– Разве этого не достаточно? – Ролана ждёт ответа, но ответа нет. Только тишина. Гиливан молчит, тянет кальян и смотрит в потолок. Тем для разговора нет. Только сказки. Но сказки уже известны. Сказки все рассказаны и теперь могут только повторяться. Гиливан пытается вспомнить, о чём они говорили прежде, давно, когда были ещё друзьями и любовниками, но в памяти осталась лишь пустота, наполненная такими же пустыми словами. – Как у тебя дела? – неожиданно спрашивает его Ролана.

– Нормально, а у тебя?

– Тоже ничего.

– Ну и хорошо. – Гиливан снова собирается замолчать, но вместо этого признаётся, что скучал.

– А я нет, – честно говорит ему Ролана. Гиливан пытается понять услышанное, бормочет проклятия. Они снова молчат. Тишина приносит чувство вины. – У тебя есть кто-нибудь? – спрашивает его Ролана.

– Ты знаешь. У меня всё просто.

– Да. – Чувство вины усиливается.

– Ролана?

– Что?

– Зачем ты прилетела?

– Не из-за тебя.

– А я уж подумал...

– Всё будет хорошо. – Ролана гладит его по щеке. Он целует её пальцы.

– Скольких духов мы встречали с тобой в этих стенах? Скольких духов заставили краснеть? – шепчет Гиливан. Ролана улыбается, спрашивает, сможет ли он отвести её в отель «Кристалл». – Зачем куда-то ехать? – спрашивает Гиливан.

– Так надо. – Ролана поднимается на ноги, идёт к выходу. – Ты ведь не хочешь обидеть меня?

– Никогда. – Гиливан смотрит на неё с обожанием, пожирает её глазами. Они выходят из бара. Машина Гиливана беззвучно ползёт по пустынным улицам. Одной рукой он держит руль, другой гладит колено Роланы. Она не сопротивляется, лишь просит его позаботиться о Ваби. – Я уложу её спать в своём кабинете, – обещает Гиливан. Фары выхватывают из темноты странные силуэты, но Ролана не верит в них – всё это лишь игра духов, всё это действие курительного табака. И лишь где-то внизу живота появляется тепло, которое рождают прикосновения Гиливана.

– Не забудь о Ваби, – снова напоминает Ролана, когда Гиливан останавливается возле отеля. Дежурный, которому он заплатил, чтобы тот открыл дверь, ругается и торопит Ролану

скорее заходить в отель. – Ну, вот и всё, – говорит она. Гиливан смотрит ей в глаза, хочет поцеловать. – Нет, – останавливает его Ролана. Он издаёт тяжёлый вздох. Ролана уходит, не оборачиваясь. Лифт на ночь выключают, и ей приходится подниматься по лестнице. «Хватит с меня ночных походов! – думает она. – Всё меняется. И если друзья, дома и курительный табак остались прежними, то это не значит, что прежней должна оставаться я». Ролана вспоминает сказки о нагвалях. Вернее, уже не сказки, а страшные истории, которые стали вдруг реальностью. Свет на лестничных пролётах не горит, и воображение снова начинает воспаляться. «Здесь никого нет, – пытается убедить себя Ролана. – Двери всегда закрываются на ночь, а днём нагвали прячутся в заброшенных домах и подступивших к городу лесах». Она вспоминает, как легко ей самой удалось пробраться в отель ночью, и вздрагивает. Перед глазами плывут картины боя волков в клетке. Гиливан сказал, что для превращения человека в нагваля требуется несколько дней. «А что если кто-то заразится и станет нагвалем уже после того, как придёт в отель?» Ролана тревожно оглядывается по сторонам. На мгновение ей кажется, что она слышит шаги позади. «Воображение. Всё это чёртово воображение, и курительный табак», – говорит себе Ролана. Она выходит в длинный коридор пустого этажа. Ламы горят через одну, но освещения хватает, чтобы убедиться, что в коридоре никого нет. Лишь где-то высоко, под потолком, клубятся духи, прицепившиеся к её сознанию в

баре Гиливана. «Утром всё это пройдёт», – говорит себе Ролана. Она идёт к своему номеру. Духи преследуют её, ползут по потолку. Она пытается думать о кровати, пытается думать о том, как принимает душ перед тем, как лечь спать. Тёплые струи воды ударяются о тело, рассыпаясь мириадами капель хаотичного движения. День грязными ошмётками стекает в дренаж. Этот долгий день. Она делает воду чуть горячее. Вокруг ничего нет, кроме пара. И это успокаивает. Ролана хочет, чтобы это успокаивало. Она открывает дверь в свой номер, ищет выключатель на стене.

– Не нужно, – говорит ей Мижан. Ролана узнаёт его, но всё равно вздрагивает. Он стоит у окна. Его глаза блестят в темноте. Слабый свет пробивается из коридора, гладит комнату, но не может осветить.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает его Ролана, всё ещё продолжая искать выключатель на стене. Она уже видит, как Мижан платит дежурному, чтобы тот впустил его, видит, как поднимается по лестнице, по которой позже поднималась она сама, как взламывает замок на двери в её номер, этот старый, ненадёжный замок.

– Где ты была? – спрашивает Мижан.

– У Гиливана. – Пальцы Роланы находят выключатель, но она не решается включить свет.

– Я знал, что ты не устоишь. – Мижан улыбается. – Тебе ведь никогда не нравились женщины. – Он отходит от окна. Ролана может поклясться, что видит разочарование на его

лице. – Скажи, он уже вставил тебе? Уже утолил твой голод?

– Ничего не было.

– Вот как?

– И мне не нравится твой тон, – пытается взять контроль над ситуацией в свои руки Ролана. Мижан снова улыбается. – Убирайся!

– Нет.

– Я сказала...

– Ты не хочешь этого. Я вижу. – Мижан подходит к ней так близко, что она снова начинает чувствовать запах пота и выпивки. – Я не хочу этого. Мы не хотим. – Он облизывает свои полные губы. Жест выглядит пошлым, но он почему-то нравится Ролане. – Ты сбежала от нас, но ты не сможешь сбежать от себя. Хочешь услышать, что сказал твой брат, когда узнал, что ты живёшь с женщиной?

– Ты видел моего брата?

– И твою мать. – Мижан причмокивает языком, видя, как вздрагивает Ролана. – Я рассказал им о том, как ты танцевала сегодня, как мы встретились в твоей гримёрке. Я рассказал им, как сильно ты возбуждала меня, и как сильно я возбуждал тебя. – Он заглядывает Ролане в глаза. – Я ведь не обманул их? – Ролана не отвечает. – Когда у тебя был кто-то настоящий?

– Что?

– Когда ты была с кем-то настоящим? – Мижан подходит к ней ещё ближе, берёт руку. – Когда у тебя был кто-то, как

я? – Он прижимает её ладонь к своему паху. Ролана смотрит ему в глаза. Ролана хочет изобразить безразличие, но безразличия нет. Ей нравится то, что она чувствует. Ей нравится то, что она видит. Густые чёрные волосы Мижана доходят до плеч. На нём надета майка, и она видит его мускулистые плечи. Тело крепкое и сильное. Полные губы искривлены желанием. Мижан изменился. Мижан стал настоящим самцом, в которых никогда прежде не превращались мужчины ноаквэ. И этот самец нравится Ролане, возбуждает её. Даже его запах. В голове проносится мысль, что всё ещё можно убежать, но мысль эта призрачная и далёкая.

Глава пятая

Утро. Мижан всё ещё в комнате Роланы, но она велит ему уйти. Мокрые простыни всё ещё пахнут сексом. Ролана лежит на спине и смотрит в потолок. Разочарования нет. Удовлетворённости нет. Вспомнить минувшую ночь. Вспомнить свой танец, вспомнить Ваби, ночную прогулку по затянутому мраком городу, вспомнить Гиливана и кальяны. Вспомнить волка-нагваля, человека-нагваля. Вспомнить духов, рождённых курительным табаком ноаквэ. Всё кажется сном. Безумным сном. Но влажные простыни не врут. Запахи не врут. Ощущения не врут. Собственное тело не врёт.

– Чёртов Мижан! – шепчет Ролана, поднимаясь с кровати. Она принимает душ, надеясь, что вода смоет с неё тяжесть воспоминаний. Воспоминаний, которые нравятся и не нравятся ей одновременно. Особенно те, что касаются Мижана. Воспоминания без глубоких чувств, без приветствий и прощаний, без нежных слов, от которых иногда утром становится так тошно. Только желание. Желание, которое возникает спонтанно, без длительных разговоров и уклончивых фраз. Желание, которое вспыхивает и угасает одинаково неожиданно. Ролана думала, что всё это осталось у неё далеко в прошлом, в жизни, которая была до того, как она встретила Жизель, но сегодня ночью всё изменилось. – Чёртов Мижан! – снова говорит она, одевается, выходит из но-

мера. Дверь в номер Жизель закрыта. Клерк внизу говорит, что Жизель и её родители ушли на экскурсию ещё утром. Ушли в горы. – Почему в горы, чёрт возьми? Почему снова в горы? – злится Ролана.

– Потому что в горах нет нагвалей, – говорит ей Ваби. Клерк смущается, кашляет, чтобы заглушить от других туристов разговор о монстрах с белыми, высохшими глазами.

– Надеюсь, Гиливан был добр с тобой? – спрашивает Ролана Ваби. Ваби улыбается.

– Ты должна была предупредить, что в тех кальянах не простой табак.

– Тебе не понравилось?

– Я не знаю. Ещё не поняла. – Ваби снова улыбается. – А ты как провела вторую половину ночи?

– С духами.

– С теми духами, которые приходят после курения кальяна?

– Отчасти.

– Понятно. – Ваби вдруг становится серьёзной. – Гиливан сказал мне утром, чтобы я заботилась о тебе. Как думаешь, что это значит?

– Думаю, что он всё ещё видел духов.

– Мы тоже с тобой кое-что видели. Ночью...

– Я видела и кое-что похуже. – Ролана предлагает Ваби отправиться на базар и по дороге рассказывает о подвале в доме Гиливана.

– Думаешь, мы тоже можем заразиться? – спрашивает Ваби.

– Гиливан говорит, что заразиться можно только если тварь укусит тебя.

– Жутко! – Ваби идёт, стараясь держаться подальше от людей. – Что если один из них – нагваль?

– Нагвали не выходят днём из своих нор. – Ролана берёт её за руку, чтобы успокоить. Они стоят возле фонтана в центре торговой площади и следят за брызгами воды.

– Не хочу больше оставаться на этой планете, – тихо бормочет Ваби. Она дрожит, вспоминая минувшую ночь и рассказ Роланы о подвале Гиливана.

– Иди сюда, – говорит ей Ролана, обнимает за плечи. Ваби прижимается к ней.

– Не хочу бояться. Я прилетела сюда развлечься, а не бояться, – шепчет она, крепче прижимается к Ролане, снова спрашивает о нагвалях в подвале Гиливана, о духах, которые появляются после курения кальяна, о танцах и снова о нагвалях. Они стоят у фонтана несколько часов. Стоят, пока не начинается вечер. Солнце клонится к земле. Закат прорезает небо алыми всполохами света. Рынок редет. Торговцы собирают лотки, увозят тележки. – Думаю, нам тоже пора, – говорит Ваби и тянет Ролану обратно в отель. Принять душ, переодеться и снова встретиться в ресторане. – Ты всё ещё должна мне вторую половину вчерашней ночи, – напоминает с улыбкой Ваби, прежде чем выйти из лифта на своём эта-

же. Ролана поднимается выше. Коридор пуст, как и всегда. В комнате родителей Жизель слышны голоса. Дверь в комнату самой Жизель открыта. Ролана проходит так, чтобы остаться незамеченной.

– Где ты была? – слышит она голос Жизель, оборачивается. – Я заходила к тебе, – Жизель дружелюбно улыбается. – Наверно, искала нас?

– Нет.

– Тогда... – она хмурится.

– Мне нужно принять душ, – говорит Ролана. Она открывает дверь, проходит в свой номер. Жизель идёт следом, спрашивает о Ваби. – Причём тут Ваби?

– Ты была с ней, ведь так?

– Я была с ней, потому что тебя не было.

– Я была с родителями. Забыла, зачем мы здесь? Могла бы хоть немного помочь мне.

– Они и так уже решили, что я шлюха. Ничего не изменить.

– Ты сдаёшься? – Жизель неожиданно начинает плакать. Ролана смотрит на неё, и не знает, что сказать. Смотрит и думает о кровати, на которой уборщики сменили бельё, но запах всё ещё можно уловить. Запах Мижана. – Не нужно было нам прилетать сюда, – говорит Жизель.

– Верно. Не нужно. – Ролана выдерживает её тяжёлый взгляд. Хлопает дверь. В коридоре стучат шаги Жизель. Ролана чувствует, что должна пойти за ней, но не идёт. Вме-

сто этого она ложится на кровать. Ей снится ночь. Ей снится Мижан. Даже не снится, а просто мелькает перед глазами обрывками воспоминаний. И где-то в животе снова появляется тепло. Тепло, которое заставляет все остальные проблемы отойти на второй план. Это тепло не обжигает, не сводит с ума, а просто греет. Ролана открывает глаза, лежит ещё какое-то время на кровати и смотрит в потолок, вспоминая ночь с Мижаном. Долгую ночь. Ссора с Жизель не имеет смысла. Обида Жизель не имеет смысла. Сознание заполняется чувством собственной правоты. Ролане нравится это чувство, хотя она не особенно понимает его. Все истины выглядят призрачно, прозрачно. «Кто может с уверенностью назвать себя правым в этой жизни, где стереотипы и законы меняются каждый день?! Для этого нужно быть либо очень умным, либо очень глупым человеком, но люди зачастую просто люди, и правота у каждого своя». Ролана гладит рукой чистые простыни. Воображение оживляется, возбуждает. Подняться на ноги, переодеться, найти Жизель и попросить прощения. Но прощения за что? Ролана выходит из номера. Дверь в номер Жизель закрыта. Вызвать лифт, спуститься в ресторан.

– Ну что, выпалась? – спрашивает Жизель, притворно улыбаясь, чтобы родители не заметили следов ссоры. Ролана принимает игру. Принимает общение. Слушает истории о горах, слушает сказки о нагвалях.

– Вчера ночью я видела, как нагвали дерутся с дикими

животными, – говорит она. Жизель бледнеет.

– Как ночью? – спрашивает она. Ролана смотрит ей в глаза и рассказывает о старом друге по имени Гиливан. Рассказывает о Ваби.

– Я просто хотела убедиться, что рассказы о нагвалях не сказка.

– С Ваби и старым другом? – Теперь лицо Жизель заливает алая краска.

– У меня ничего с ними не было.

– Откуда мне знать?! – Жизель злится, пьёт, бросает на Ролану гневные взгляды. – Ты должна была взять меня, а не какую-то незнакомую девку! – говорит она, поднимается из-за стола, уходит в свой номер. Её родители уходят следом. Ролана одна. Почти одна.

– Неудачный вечер? – спрашивает её Ваби, подсаживаясь за освободившийся столик.

– Всё как обычно. – Ролана улыбается, спрашивает её о мужчинах. Ваби смущается. – У тебя что, никогда не было секса с женщиной? – Она видит, как Ваби качает головой, говорит, что просто необходимо попробовать хоть раз. – Иначе как ты узнаешь, что тебе нравится?

– Мне, кажется, что я уже знаю.

– Никто тебя не съест! – Ролана смеётся. Ночь с Мижаном мелькает перед глазами, сводит с ума. – Оглядишься! – Ролана пытается отыскать взглядом достойного партнёра. – Нет. К чёрту! Здесь слишком скучно. – Она поднимается из-за сто-

ла, тянет Ваби на улицу, в бар «Ночь ритуалов». Ваби не хочет идти, но ещё больше она не хочет отпускать Ролану. Вечерние улицы пугают. Дорога сужается, петляет. Солнце на небе почти прогорело, и тени, обретая плоть, начинают оживать, прячась за мусорными контейнерами и в тёмных углах подворотней.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – бормочет Ваби. «Ночь ритуалов» встречает их запахами пота и прокисшего пива. Людей неожиданно много. Воздух тяжёлый и тягучий. Жарко. Ваби оглядывается, говорит, что ни один из мужчин вокруг ей не нравится, просит Ролану вернуться в отель. – К тому же я даже не знаю, как с ними знакомиться.

– Это просто.

– Но я не хочу. – Ваби сопротивляется, но Ролана почти силой ведёт её к свободному столику, заказывает пару коктейлей, рассказывает о том, как раньше работала здесь. – Вчера, когда ты танцевала, я думала, тебя разорвут прямо на сцене, – говорит Ваби.

– В этом и кайф! – смеётся Ролана.

– Значит, я не такая, как ты, – говорит Ваби. В её глазах блестит страх. Она смотрит на часы, пытается рассчитать, хватит ли времени вернуться в отель до закрытия. – Мы не вернёмся в отель, – говорит ей Ролана, читая мысли. Шумная компания мужчин за соседним столиком всё чаще и чаще обращает на них внимание. Ваби нервничает. Ролана заводит новых знакомых, подбирает новых партнёров. Партнё-

ров для Ваби.

– Тебе понравится, – шепчет она подруге. Ваби краснеет, но выпитые коктейли уже звенят в голове. Кто-то рассказывает о нагвалях. Ваби слушает. Ваби говорит, что хочет увидеть это. Ролана сжимает под столом её руку.

– А что такого?! – возмущается Ваби. – Ты видела эти бои. Я тоже хочу.

– Это не забавно.

– То же самое я тебе говорила про мужчин. – Ваби слышит смех своих новых знакомых и смеётся вместе с ними.

– Здесь недалеко есть подвал, – говорит мужчина-ноаквэ по имени Нитамига. Они идут по узким улицам. Ночь сгущается. На охоту выбираются жирные крысы. Мужчина по имени Абитаг обнимает Ролану за плечи. У него сильные руки и ему нравится, что Ролана ноаквэ. Это волнует его, возбуждает. Он боится её, потому что помнит жизнь в деревне, помнит власть женщин, но он верит, что уже стал другим.

– Ты знаешь Мижана? – спрашивает его Ролана, когда они спускаются по бетонной лестнице в подвал. В нос вгрызаются запахи бетона, плесени, крови.

– Из какой он деревни? – спрашивает Ролану Абитаг.

– Я не знаю, – признаётся она. – Я никогда не спрашивала его об этом. – Ролана оборачивается, смотрит на Ваби, которая трезвеет и снова начинает бояться и дрожать. Её мужчина думает, что она замёрзла и крепче обнимает её. Ваби прячет отвращение. – Перестань бояться! – говорит ей Ролана.

Они проходят в железную дверь. Нарастает гул возбуждённых голосов. Толпа ревёт. Толпа хочет крови. Ролана понимает это, потому что видела подобное в подвале Гиливана. Но здесь всё иначе. Здесь люди-нагвали дерутся с нормальными людьми. Клетки наполнены кровью. Здоровые воины рискуют жизнью. Нагвали рычат. Нагвали-воины. Их оружие – зубы и ногти. У людей-воинов оружие – ножи и пики. Шансов победить практически нет. Шансов для нагвалей. Но воины рискуют заразиться. Воины-люди могут стать нагвалем. Один из неудачников прикован к стальной трубе в центре подвала. Ошейник стягивает его горло. Абилаг рассказывает Ролане, что этот мужчина прикован здесь уже больше недели, но всё ещё не превратился в нагваль. Ролана смотрит на его лицо. Глаза бледные, но в них ещё есть жизнь. По крайней мере, в одном из них. Другой уже почти высох. Мужчина рычит, но если прислушаться, то можно разобрать обрывки слов, фраз. Ролана пытается понять, что говорит нагваль, когда толпа вокруг начинает закипать. Где-то далеко раздаётся взрыв, от которого закладывает уши. Железная дверь, ведущая в подвал, срывается с петель. Она падает на людей, ломает кости. Толпа ноаквэ в ритуальных нарядах врывается в подвал. В руках у них блестят мачете. Они рубят без разбора – людей, нагвалей, всё равно. Из раскрытой клетки выбираются обезумевшие нагвали. Они набрасываются на людей, перегрызают им горла. Уши от взрыва ещё заложены, и Ролана видит всё, словно во сне.

– Нужно убираться отсюда! – кричит ей Абилаг, но она не слышит. Он хватается её за руку, тянет прочь, к запасному ходу, скрытому от посторонних взглядов ширмой.

– Ваби! – кричит ему Ролана. – Мы забыли Ваби! – Но он не слышит. Безумие остаётся за спиной. Они бегут по узкому коридору, оплетённому трубами. Темно. Под потолком висят несколько жёлтых ламп. Ролана спотыкается. Абилаг держит её за руку, и когда она падает, тащит дальше, сдирая колени о каменный пол и битые стёкла. Тащит несколько долгих секунд, затем останавливается. Ноги его подгибаются. Острая пика пробила ему спину и вышла из груди. Ролана видит, как изо рта Абилага начинает течь кровь. Он падает на колени, затем на живот, вздрагивает несколько раз, стихает. Слух возвращается. Мужчина-ноаквэ в ритуальной одежде смотрит на Ролану. Мачете в его руке занесено над головой, но он не двигается. Он всё ещё не может поднять руку на женщину. Не может убить её. Он ищет предлог, повод. – Я такая же, как и ты, – говорит ему Ролана, сдерживая дрожь. Он не двигается. Она боится даже дышать. Мачете занесено над головой воина-ноаквэ. – Я такая же, как и ты, – снова говорит ему Ролана. Руки находят битые стёкла. Крупные осколки режут пальцы. Они не могут защитить, не могут противостоять мачете, но это лучше, чем ничего. – Я – женщина. Ты – мужчина. Ты не можешь причинить мне вред, – цепляется за последнюю надежду Ролана. Проткнутый пикой Абилаг снова вздрагивает. Воин-но-

аквэ вздрагивает вместе с ним. Мачете опускается вниз. Холодная сталь обжигает плечо. Осколок стекла зажат в руке. Ролана выбрасывает руку вперёд. Бьёт осколком стекла воина-ноаквэ в живот. Снова и снова. Стекло режет ей пальцы, но она не чувствует. Воин-ноаквэ рычит. Из его живота брызжет кровь и чёрная желчь. Мачете снова поднимается вверх. Осколок стекла ломается. Ролана кричит. Время словно замирает. Она видит глубокие раны на животе ноаквэ. Она чувствует запах свежей крови. Она слышит, как смерть поёт свою песнь. Смерть, которая пришла сюда, чтобы забрать одну из двух жизней. – Нет! – Ролана вскакивает на ноги. Воин-ноаквэ бьёт её рукояткой мачете в лицо. Она сбивает его с ног. Он падает на спину. Раны на животе открыты. Ролана запускает в них руки. Воин кричит. Он кусает Ролану, но она не чувствует. Её руки в брюшной полости воина-ноаквэ. Она хватает внутренности и вырывает их из агонизирующего тела. Безумие. Ролана поднимается на ноги, и, шатаясь, идёт прочь. Коридор выводит её на тёмную улицу. Ночная прохлада пьянит. Ноги подгибаются, но Ролана заставляет себя идти. Идти вперёд. Сначала бездумно, затем оглядываясь, пытаюсь понять, где находится. Район, в который она вышла, знаком ей. Отсюда далеко до отеля «Алмаз», но бар Гиливана достаточно близко. К тому же отель уже закрыт. Ролана смеётся, пугается своего раскатистого смеха, эхом разносящегося по ночным улицам, и снова смеётся.

Глава шестая

– Что, чёрт возьми, с тобой случилось? – спрашивает Ги-ливан, когда Ролана добирается до его бара. Он слушает долго и терпеливо. Слушает, накладывая швы. Восемь на плечо и шесть на правую ладонь, изрезанную битым стеклом. Здоровой рукой Ролана держит кальян. Курительный табак успокаивает и притупляет боль.

– Давно племена вышли на тропу войны? – спрашивает она, морщась от боли и от воспоминаний.

– Им не нравится то, что происходит. Не знаю даже, кого они больше ненавидят: нагвалей или людей, которые организывают такие бои?

– Тебя они тоже ненавидят?

– Меня они пока не трогают.

– Почему?

– Я не устраиваю бои между нагвалями и людьми.

– То, что ты делаешь, тоже не особенно этично.

– Каждый выживает, как может. – Игла впивается в плоть чуть глубже. Ролана не обижается, спрашивает о ноаквэ из своей деревни.

– Они тоже вышли на тропу войны?

– Я не знаю. Никто не знает. На этой планете последние годы невозможно знать что-то наверняка. Люди меняются. Жизнь меняется. Нравы меняются. – Он ещё что-то говорит,

но Ролана не слушает его, она думает о Ваби. О мёртвой Ваби. – Думаю, теперь тебе нужно помыться, – говорит ей Гибливан. Он отводит её в соседнюю комнату. Небольшая ванна наполнена водой.

– Я не могу, – устало говорит Ролана.

– Я сам всё сделаю, – обещает Гибливан. Он помогает ей раздеться и долго смывает с тела запёкшуюся кровь. Ролана почти спит. Почти спит, когда Гибливан моет её. Почти спит, когда вытирает, несёт в кровать. – Глупая девчонка, – бормочет Гибливан, ждёт, пока она уснёт, затем долго сидит за столом, потягивая кальян. Раны воспаляются, начинают болеть. Воспалется и воображение. Сны приходят рваными картинками смерти. Ролана вскрикивает, просыпается, видит Гибливана и снова пытается заснуть. Несколько раз он даёт ей покурить кальян. – Пусть духи позаботятся о тебе, – шепчет он. Ролана улыбается, но как только засыпает, снова видит смерть, нагвалей, ноаквэ в ритуальной одежде и с боевой раскраской. Ещё ей снится Ваби. Наивная Ваби. Она то смеётся, то плачет. То просит научить её танцевать, то умоляет прийти и прекратить её мучения.

– Они ведь не станут издеваться над ней? – спрашивает сквозь сон Ролана Гибливана. – Скажи, что Ваби умрёт быстро, без боли.

– Не думай о смерти. Восставшие племена обычно не трогают туристов. Особенно женщин. Они воюют с местными. Они винят во всём подобных себе.

– Я не верю, – бормочет Ролана, считая, что эти слова ещё одно сновидение, но утром, когда Гиливан везёт её в отель, она смотрит за окно, надеется увидеть Ваби. Гиливан послушно кружит по городу. Ролана хочет верить. Гиливан хочет, чтобы она верила. Но Ваби действительно жива. Она идёт по улице, где развёрнута торговля глиняными изделиями. – Это она! Она! – кричит Ролана, выпрыгивает из машины, прежде чем она остановится, бежит к Ваби, хватая её за руку. Ваби смотрит на неё туманными глазами. Она не спала всю ночь. На ней засохшая кровь. Она молчит всю дорогу до отеля. – Я провожу тебя до номера, – говорит Ролана. Они поднимаются на лифте. – Хочешь, я помогу тебе раздеться, принять душ? – предлагает Ролана. – Я ведь всё ещё должна тебе вторую половину ночи, помнишь?

– Не стоит. – Ваби сбрасывает одежду. На спине у неё алеют следы кнута. Когда-то давно Ролану так же наказывала за провинности мать. Всех девочек так наказывали в деревнях ноаквэ. – Это меньшее из того, что со мной могло случиться, – говорит Ваби. – Они выпороли меня, и сказали, что если я не уберусь с планеты, то вернутся и убьют. – Её глаза наполняют слёзы. Она закрывает ладонями лицо и тихо плачет. Сил нет. Она устала и унижена, она растеряна и напугана.

– Бедная девочка. – Ролана садится рядом с ней, обнимает за плечи.

– Не надо. – Ваби отстраняется от неё.

– Всё хорошо.

– Это всё из-за тебя! – кричит Ваби, пытаюсь ударить Ролану. Ролана не пытается увернуться. – Убирайся! – снова кричит Ваби. Ролана выходит в коридор. Щёки горят от пощёчин, но боли нет. Тело онемело. Даже наложенные швы перестали зудеть. И мир вокруг словно затянут туманом. Все чувства и мысли затянуты туманом. Ролана спускается на лифте вниз и идёт в ресторан. Жизель машет ей рукой, говорит, что убедила родителей не судить о Ролане по этой планете и что они улетают завтра утром. Ролана кивает. Жизель хмурится, спрашивает, что случилось.

– Ничего.

– Наверно, это нервное, – говорит Жизель. Ролана кивает, слышит от Жизель, что скоро придут родители, чтобы извиниться, и говорит, что хочет немного побыть одна. – Точно, нервное, – говорит Жизель, но возражать не пытается. – В таком случае я отведу родителей на ярмарку. Думаю, они просто обязаны купить что-то в память об этой планете. – Она смотрит на Ролану, ждёт одобрения. Ролана кивает. Жизель улыбается. Ролана смотрит, как она уходит. Желудок пуст, но заказанный завтрак не лезет в горло. Время кажется застывшим, замёрзшим. Всё утро. Весь день. Всю ночь. Ролана вспоминает Жизель и заставляет себя думать о том, что завтра уберётся с планеты. Но пустоты не становится меньше. Онемело, кажется, не только сознание, но и весь мир. Это чувство не проходит весь день и всю ночь. Наоборот. Оно растёт, крепнет. Даже во снах. Таких же застывших и оне-

мевших снах. И утро. Оно не приносит новый день. Нет. Дорога в космопорт, ожидание. Ролана почти не разговаривает. Жизель думает, что она скучает по своей планете. Ролана не возражает – пусть думает, что хочет. Вместе с ними планету покидают ещё два десятка туристов. Одна из них Ваби. Ваби, которая отвергла Ролану. Обида и чувство вины смешиваются, изменяются, теряются где-то в безразличии. Ролана думает, что было бы неплохо поговорить с Ваби, но нужных слов нет. – Больше никогда не вернёмся сюда, – обещает ей Жизель. Ролана кивает. Транспортный челнок приходит ровно по расписанию. Двигатели гудят. Хинар остаётся далеко внизу. Вся жизнь остаётся далеко внизу. Пассажиры галдят, хвастаются купленными сувенирами. Молчат лишь двое из них. Ролана и Ваби. Они сидят недалеко от друга. Иногда Ваби оборачивается, и Ролана встречается с ней взглядом. С таким же онемевшим растерянным взглядом. Но в нём есть что-то ещё. Что-то живое. Ролана уверена, что есть, поэтому даже не думает о том, чтобы подойти к Ваби, заговорить с ней. Её немота другая. Её немота рождена страхом, немота Ваби. У самой Роланы всё иначе. Несомненно, иначе. Она отворачивается и смотрит в иллюминатор на свою планету. Она парит в чёрном космосе. Крохотная, никчёмная, покинутая. Гиливан говорил, что деревни ноаквэ давно мертвы, говорил, что они все покинуты, говорил, что там давно никого нет, кроме нагвалей. То же самое сказали и родителям Жизель, когда они хотели отправиться в резерва-

цию и познакомиться с родителями Роланы. Все мертвы или сбежали. Сбежали ноаквэ, бегут туристы. Ролана видит пассажирский корабль. Транспортный челнок заходит в доки. Когда они летели сюда, никто не говорил им, что планета находится в карантине, сейчас же, получив деньги, туристическим агентствам плевать. Камера дезинфекции ждёт всех, кто вернулся с Хинара. И нет смысла возмущаться. Проще смириться и ждать. Ждать, когда придёт твой черед покинуть душную камеру. Первым выходит толстый мужчина с широкой добродушной улыбкой, которая, кажется, никогда не покидает его лицо. Затем пожилая женщина, с длинными седыми волосами, пара молодожёнов, Жизель, её родители. Ролана ждёт. Ждёт, пока в камере дезинфекции не остаётся она одна. Немота сковывает мысли. Немота сковывает тело. Мягкий свет и призрачная дымка, которой наполнена камера дезинфекции успокаивают, вызывают сонливость. Ролана зевает, собирается закрыть глаза, но ей мешает вспыхнувший экран переговорного устройства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.